

віншавалі мае дзяўчынкі (гаворка ішла аб гарадзенскіх паланістках). І пачула ў адказ: «У цябе вельмі выхаваныя дзяўчынкі».

Горкая іронія лёсу: у ноч з 24 на 25 мая Віктара Аляксандравіча Хорава не стала. Ён памёр далёка ад дома, сям'і, месца службы. І ўсе цяжасці арганізацыі жалобных мерапрыемстваў ляглі на дэлікатныя плечы Першага прарэктара ГрДУ Святланы Уладзіміраўны Агіевец, якая праявіла не толькі арганізацыйныя здольнасці, але незвычайную чуласць і сардэчнасць да блізкіх людзей, жонкі, вучняў адыйшоўшага з жыцця В.А. Хорава. Дзякуючы Святлане Уладзіміраўне, Гродзенскі ўніверсітэт дастойна праводзіў у вечнасць свайго «Ганаровага прафесара».

Усім нам было вельмі цяжка перажыць гэтую трагічную нечаканасць. Смерць прафесара Віктара Аляксандравіча нагадвала перапынены палёт. Ён сышоў у вечнасць пасля заканчэння прысвечанай яму міжнароднай канферэнцыі, пасяджэння Праўлення Навукова-дыдактычнага каардынацыйнага цэнтра і пасля ўрачыстага пасяджэння Савета ўніверсітэта, які прысвоіў яму званне «Ганаровы прафесар Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы». Ён сышоў, як сыходзяць класічныя прафесары мінулых эпох, апрануўшыся ў мантыю і пакінуўшы сваім вучням духоўную спадчыну: свае навуковыя працы – працы па-сапраўднаму вялікай, эпахальнай значнасці. Больш за 50 гадоў ён узначальваў, ствараў і тварыў міжнародную паланістыку, умеў аб'яднаць і запаліць святлом свайго таленту і вядомых навукоўцаў многіх краін, і творчую моладзь. В.А. Хораў падрыхтаваў некалькі пакаленняў дактароў і кандыдатаў навук з розных краін свету. Ён адкрыў новы кірунак у літаратуразнаўстве і шчодро адорваў бліскачасцю свайго таленту, клопатам, сардэчнай дабрынёй сваіх вучняў, сяброў, калегаў.

Мы будзем памятаць і любіць Вас, дарагі Віктар Аляксандравіч. Светлая і вечная Вам памяць.

*Вечна ўдзячная вучаніца – прафесар, д. ф. н. С.П. Мусіенка
(Пераклала з польскай мовы А.В. Гук)*

МОИ ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ С ВИКТОРОМ ХОРЕВЫМ

Меня пригласили работать в Институт славяноведения и балканистики осенью 1983 г., хотя сотрудничество началось на год или два раньше – сектору современных литератур нужен был германист, а меня в эти годы стала привлекать славистика – прежде всего серболужичане, с которыми я столкнулся, изучая немецкую историю и литературу. Я стал участвовать в некоторых мероприятиях сектора, постепенно познакомился с людьми, и, как мне кажется, довольно быстро оценил человеческие качества коллектива. Почти 25 лет я отработал в этом коллективе и ни разу об этом не пожалел. Мне и сейчас кажется, что это был редкий оазис, не совсем обычный для эпохи «последнего этапа строительства коммунизма» и неизвестно откуда взявшейся «перестройки», которую в народе довольно быстро назвали «катастройкой». Мы занимались наукой (каждый по своим способностям), участвовали в общественной и политической жизни (если у кого была к этому склонность), у нас были разногласия по тем или иным вопросам, но я не припомню ни одного случая, где бы мы расходились или ссорились в человеческом плане, не припомню ни одного присутственного дня, когда бы нам после обсуждения тех или иных коллективных трудов или отдельных статей, проектов и диссертаций не хотелось еще побыть вместе, почитать друг другу стихи (шутливые или серьезные), рассказать о своих успехах или неудачах, отметить день рождения, наступающий праздник или вышедшую книгу, а порой и просто так поговорить и побыть друг с другом – безо всякого видимого повода... Особое качество этого коллектива (я думаю, оно было не только у меня) – сердечное расположение друг к другу, способность искренне радоваться успеху другого и стремление помочь, если что-то не ладилось. Я даже физически чувствовал, что мне чего-то не хватает, если хотя бы один человек из сектора отсутствовал по той или иной причине. Но я не покривлю перед истиной, если скажу, что организующей душой всего коллектива был Виктор Александрович Хорев, его присутствие в коллективе всегда было конструктивным и возвышающим – будь то серьезное научное обсуждение или дружеские беседы после завершенных дел... Мы с Виктором Александровичем не стали закадычными друзьями (у каждого из нас уже таковые были), но и не остались просто товарищами по работе – где бы и по каким делам мы с ним ни были, нам всегда было хорошо, всегда было что рассказать и о чем поговорить. Если это всё вспоминать, получится целая книга... Я расскажу только об одной из наших последних встреч в Гродно. Еще две (самые последние) были в Москве...

4 ноября 2009 г. я выехал из Полоцка в Гродно по приглашению Светланы Филипповны Мусиенко на торжественное заседание, посвященное 20-летию кафедры польской филологии в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы, и для участия в Международной научной конференции «Адам Мицкевич и современная сусветная культура». Мы не раз перезванивались со Светланой, я точно знал, что приедет и Витя Хорев и что у нас найдется возможность поговорить наедине... Гродно встретил неласково, дул противный ветер, сопровождаемый смесью из дождя и снега; пока я добрался до гостиницы,

порядком продрог. Пришлось выйти в город, закупить спиртного и закуски, чтобы не простудиться окончательно, к вечеру нашелся и хороший собеседник (Н.Н. Хмельницкий), так что мы разошлись спать, изгнав все простуды... Витю я увидел на следующий день, уже в актовом зале. Он выглядел несколько усталым (кажется, приехал ночью). Торжественная часть началась с благословения священников и в целом прошла великолепно: прекрасные речи, посвященные юбилею и достижениям кафедры; после нескольких официальных выступлений слово дали Виктору Александровичу. Не буду пересказывать его речь, но меня, как всегда, поразила его способность быстро включаться в ситуацию: еще минуту назад он сидел, прикрыв глаза от утомления, и словно дремал, но вот встал, и с каждой фразой голос становился всё четче и увереннее, и усталости словно и не было. Он говорил о заслугах Светланы Филипповны и о достижениях кафедры польской филологии, а я вспоминал, сколько славистов из Беларуси обсуждали свои кандидатские и докторские диссертации на заседаниях нашего сектора и сколько из них наставлял и консультировал Виктор Александрович, практически постоянно ездивший в Гродно и опекавший своих бывших учеников до самого последнего года...

Поговорить по-настоящему нам удалось после заседаний секций, дома у Светланы Филипповны, которая отдала Вите ключи, чтобы мы могли немного отдохнуть перед дружеским ужином. Мы сели в гостиной, налили по рюмке коньяка и стали, не торопясь, перебирать разные эпизоды и судьбы людей нашего Института, живых и ушедших. А ушедших (из числа даже самых близких людей) набралось немало. Пришлось достать еще и бутылку водки. Среди многого вспомнили и удивительную командировку в Италию в 1989 г. вместе с академиком Н.И. Толстым, С.М. Толстой, Л.А. Софроновой и В.В. Мочаловой. Мне пришлось до армии учиться у И.И. Толстого, он после моего возвращения из армии узнал меня, и мы с ним дружили (насколько это возможно при такой разнице в возрасте). Видимо, он что-то рассказал обо мне и сыну, потому что Н.И. Толстой, определяя состав делегации настоял, чтобы включили меня. Всю подноготную этой поездки Витя знал лучше меня, он с удовольствием посвятил меня в детали, которых я не знал, но компанию академик подобрал отличную, и мы не только все еще больше подружились в Италии, но и еще не раз и не два встречались вместе в Москве на разных квартирах и по разным поводам, чтобы просто побыть вместе...

На следующий день (помимо конференции) особенно запомнилась поездка на озеро Свитязь, которое я знал только по балладе Мицкевича, но сам ни разу не был. Погода была еще противнее, чем вчера, ветер еще сильнее. Озеро замерзло, но лед был тонкий и еще не занесенный снегом. Рыбы подплывали подо льдом прямо к пошатывающейся пристани, с которой хорошо просматривалось типичное белорусское озеро, каких в Беларуси много, но всё же озеро совершенно особенное, освященное народной легендой и Мицкевичем, поэтому и волнение было особенное, несмотря на холодную пасмурную погоду и почти пронизывающий ветер. «Не пора ли согреться?» – подошел ко мне Витя. «Хорошо бы, – ответил я, – только у меня ничего с собой нет». Витя достал из кармана пальто достаточно вместительную флягу. Подошел еще третий, сейчас мне кажется, что это был именно профессор И.В. Жук, но тогда я его еще лично не знал. Получилась отличная компания, и закуска тут же нашлась, оказывается Светлана Филипповна всё предусмотрела...

Обратно от озера мы сели в автобус вместе с Витей. О чем-то говорили, и вдруг он сказал мне: «Саша, у меня... Врачи говорят, неизлечимый. Так что приезжай в Москву почаще, а то можешь и не застать...» Я успел застать его и поговорить с ним в Москве еще два раза. О болезни мы больше не говорили...

А.А. Гугнин

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ГРЕШНЫХ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НЕМЕЦКОГО РОМАНТИЗМА: НЕСКОЛЬКО (ПОСТ) ЮБИЛЕЙНЫХ ЗАМЕТОК

Впервые я лично встретился с Владимиром Ивановичем Грешных почти 12 лет назад, осенью 2001 г. в Москве, где он защищал докторскую диссертацию «Художественная проза немецких романтиков: формы выражения духа», а мне пришлось быть одним из его оппонентов. Мы встречались до защиты и после защиты, которая успешно прошла на кафедре истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ под председательством ныне покойного профессора Леонида Григорьевича Андреева. Через год я принял приглашение Владимира Ивановича на конференцию «Романтизм: два века осмысления» (Калининград – Зеленоград, 10–13 октября 2002 г.), где мы окончательно сблизились и, смею надеяться, подружились. Владимир Иванович в моих глазах относится к числу не столь уж часто встречающихся ученых, у которых широкий культурный кругозор и исследовательский талант органично соединяется с педагогическим и организаторским. И именно работа в университете дает подобным людям возможность наиболее оптимально раскрывать свои таланты и способности. Я не могу говорить обо всех сторонах деятельности В.И. Грешных, поскольку в Калининград мне больше вырваться не удалось. Но